

Зал Цзиньлуань Династии Да-Янь был погружен в такую тишину, что, кажется, упали игла — и то было бы слышно.

Ци Цинцы облачился в тяжелые железные доспехи весом в сотню цзиней. Ему казалось, будто он не сановник, прибывший на утренний совет, а связанный по рукам и ногам боров, которого волокут на жертвенный алтарь.

Он ждал, пока тот мясник, восседавший на высоком драконьем троне, отдаст единственный приказ, после которого его егорусеком разрубят на тысячу кусков.

Бесчисленные взгляды — оценивающие, пытливые и даже не скрывающие открытой жажды убийства — сплелись в прочную, не пропускающую воздух сеть, готовую пронзить его хрупкое тело.

Он не смел пошевелиться.

Даже собственное дыхание казалось почти остановившимся.

Нижняя одежда под тяжелыми латами давно пропиталась холодным потом и влажно липла к спине, вызывая неконтролируемую дрожь.

Всего три дня назад он был прикован к постели — хилый, слабый болезненный юноша, которому даже пройти пару шагов стоило немалых трудов.

А теперь ему предстояло выдавать себя за своего старшего брата-близнеца — непобедимого бога войны Династии Да-Янь, грозного генерала Ци, чьи ратные подвиги гремели на всю империю, а сам он лежал без сознания с тяжелейшими ранениями!

Преданные сподвижники пали перед его постелью на колени, заливаясь слезами.

Ради того, чтобы сотни тысяч воинов Армии семьи Ци не попали в руки злодеев.

Ради того, чтобы вырвать у судьбы призрачный шанс на спасение брата.

Он был обязан стоять здесь!

Изображать безжалостного бога войны, одним махом решающего судьбы людей?

Ци Цинцы хотел рассмеяться, но из горла вырвался лишь подавленный, похожий на предсмертный хрип стоп.

Что мог противопоставить этому рожденный в другом теле и абсолютно беспомощный Шуаньэр?

В этой незнакомой его памяти династии существовали мужчины, женщины и еще один особый пол, занимавший промежуточное положение, — шуаньэры.

Обладая мужской внешностью, они были куда слабее мужчин, но в то же время уступали женщинам в способности к деторождению.

Узнав о столь незавидном и двусмысленном положении в обществе, Ци Цинцы целый день проклинал небеса.

Сегодня настал его первый день в роли затычки на утреннем докладе за брата.

Задача была всего одна: притворяться немым, не раскрыть себя и дожить до конца аудиенции.

Но сейчас ему казалось, что он не протянет и следующей секунды.

В тот самый момент, когда рассудок Ци Цинцы уже балансировал на грани полного краха, прямо у него в голове бездушно зазвенел механический голос!

[Дзынь! Обнаружено, что желание хозяина выжить достигло предела! Система Короля Острых Языков успешно привязана!]

Тело Ци Цинцы мгновенно оцепенело.

Система?!

Задержавшийся на добрый десяток лет золотой палец наконец-то явился! Ци Цинцы был готов расплатиться слезами уже в следующую секунду — как же здорово, что это происходит наяву!

[Описание задания: накапливайте очки язвительности, мысленно критикуя окружающих. Достаточно проявить немного цинизма, и вы сможете обменять их на божественное лекарство, чтобы спасти брата! Начало уровня — сущий ад, пожалуйста, постарайтесь угробить себя... ой, то есть постарайтесь выжить!]

Стоило стихнуть этому голосу, как перед его глазами развернулся полупрозрачный торговый интерфейс.

На самом верху списка красовалась окутанная ослепительным божественным сиянием Пилюля Возвращения Души Девяти Поворотов, стоившая ровно миллион очков язвительности.

Описание пилюли: возвращает мертвых к жизни, обращает плоть на костях, главное назначение — бросить вызов небесам и изменить судьбу!

Дыхание Ци Цинцы перехватило.

Его брат Ци Цинюэ, чье имя почиталось как душа армии Да-Янь, был вероломно атакован на обратном пути во главе возвращающейся с победой армии. Ему в грудь вонзила отравленная стрела, и он сорвался в горную пропасть. Когда его наконец отыскали, в нем едва теплилась жизнь.

С большим трудом бедолагу удалось вытащить с того света, но теперь он превратился в живого мертвеца, и его душа держалась в теле исключительно благодаря тысячелетнему женьшеню.

Военный лекарь, годами ходивший за старшим братом, высказался предельно прямо: уповайте на милю небес и готовьтесь к худшим временам.

И вот теперь единственная надежда вернуть брата в сознание находилась прямо перед глазами!

[Система, а как начисляются эти очки язвительности?]

— тревожно мысленно спросил Ци Цинцы, и в его голосе слышалась дрожь, которую он даже не пытался скрыть.

[Выбирайте цель для критики и отпускайте едкие замечания. Цель сможет слышать ваши мысли, а очки язвительности будут начисляться в зависимости от эмоциональных колебаний, вызванных вашими словами. Чем выше статус цели, тем выше ценность получаемых эмоций.]

[Она сможет услышать?! Да тогда с меня живо шкуру спускят! Нет! Ни в коем случае!]

Если следовать советам системы, то для скорейшего накопления нужного количества очков придется выбирать людей с самым высоким положением и безумно нарываться на неприятности.

Ци Цинцы мысленно завизжал: условием спасения брата было то, что он сам должен остаться в живых!

[К тому же я никого из них не знаю, что я вообще могу покритиковать?!]

[Не беспокойтесь, хозяин. В систему встроена функция специального радара уязвимостей. Стоит активировать режим критики и выбрать цель, как она автоматически укажет на то, что больше всего беспокоит человека!]

[Все реплики зашифрованы по протоколу один на один, голос подвергается искажению, никто и никогда не догадается, что это вы. К тому же цель не сможет пересказать содержание вашей критики третьим лицам.]

Заверения системы послужили спасительным уколом адреналина.

Жажда заполучить заветную пилюлю мгновенно пересилила страх, сковывавший сердце Ци Цинцы.

Он с трудом приподнял веки, и его взгляд скользнул поверх голов сановников, безошибочно выхватив фигуру в черных драконьих одеждах на самом верху.

Император Династии Да-Янь — Янь Бэйсюань.

Безумный деспот, чей нрав, по слухам, был горячее подземных огней преисподней, а людей он резал с такой же легкостью, как шинкует овощи!

Стоит ли... начать с него?

К тому же выше по рангу в этом зале никого не было.

Но чем это отличалось от плясок на книге мертвых самого Янь-вана?

Однако стоило лишь заполучить Пилюлю Возвращения Души Девяти Поворотов, как брат сможет исцелиться, и этого будет достаточно.

Разве миллион — это так много?!

Ради брата!

Была не была!

Ци Цинцы изо всех сил уговаривал себя: стоит собрать миллион, и он сразу же завяжет!

Украдкой бросив взгляд на восседающего на возвышении императора Янь Бэйсюаня, он мысленно принялся выискивать изъяны.

[Охренеть! Это и есть тот самый легендарный тиран Янь Бэйсюань? С такой внешностью ему бы в борделе наотмашь всех превосходить, а он в императоры подался, какое упущение!]

[Говорят, у него еще и мания чистоты в сочетании с обсессивно-компульсивным расстройством? Это что же, ложась с ним в постель, нужно по часам переворачиваться? Стоит хоть одной ниточке на драконьем ложе сбиться, и тебя тут же уволочут растереть прах в пыль и отправить на новое перерождение?!]

На драконьем троне Янь Бэйсюань, предававший до того момента расслабленному созерцанию, резко открыл глаза.

В его узких продолговатых глазах промелькнула крайне хищная искра, и безмолвное императорское давление тяжелым грузом легло на плечи каждого присутствующего в Зале Цзиньлуань!

Он умел слышать чужие мысли.

Это было его величайшей тайной правителя и одновременно проклятием, которое он ненавидел больше всего на свете.

Прежде до него доносилась лишь тошнотворная шелуха из лести и коварных замыслов.

Но сегодня...

Хрусь.

Раздался отчетливый звук раскалывающегося камня.

Янь Бэйсюань с такой силой сжал в руке два хотанских нефритовых шара, которые перебирал в ладони, что один из них буквально разлетелся вдребезги!

Острые осколки впились в кожу ладони, проступили темно-красные капли крови, но он не почувствовал боли.

Его взгляд обратился в невидимую сеть, накрывшую толпу стоявших внизу чиновников.

Кто это?

Жить надоело? Как смеет он прямо на утреннем докладе обсуждать его личную жизнь да еще нести какую-то бессвязную чушь? Захотелось раньше времени отправиться навестить владыку преисподней?

Внезапно столкнувшись с этим леденящим взглядом, Ци Цинцы испуганно замер, сердце у него едва не остановилось. Он тут же отключил режим критики и потупил взор, стараясь не

встречаться с Янь Бэйсюанем глазами.

[Ой матушка! Напугал до смерти! И правда кровожадный тиран.]

[Неужели, неужели? Неужели он понял, что это я его отчитывал?! Быть такого не может, система же говорила, что связь зашифрована, это личный чат один на один, он никак не мог узнать, что это я!]

[Все равно надо вести себя потише, хе-хе, он меня ни за что не отыщет.]

Взгляд Янь Бэйсюаня блуждал по толпе и в конце концов замер на главе военачальников — облаченном в тяжелые доспехи и хранящем молчание «Ци Цинюэ».

Источник голоса... он?

Интересно.

Подумать только, этот вечно немногословный на официальных приемах Ци Цинюэ, у которого на лице, казалось, было выжжено Не беспокойте меня, на самом деле так живо интересуется тем, что происходит у него в спальне?

Заметив, что свирепый взгляд императора наконец переместился в сторону, Ци Цинцы мысленно перевел дыхание.

Уведомление от системы о начислении очков запоздало: [Получена порция гнева от Янь Бэйсюаня, эмоциональные колебания +50000]!

Подумать только, пятьдесят тысяч свалились так легко и просто.

Ци Цинцы прикинул про себя: если провернуть такое раз двадцать, разве цель не будет достигнута без всяких усилий?

Ради брата ему придется пойти на риск и заработать эти очки язвительности!

Но продолжать дразнить Янь Бэйсюаня он больше не решался. Радар поиска целей Ци Цинцы немедленно принялся сканировать всё помещение: зубоскалить — дело утомительное, поэтому для пущей выгоды лучше выбирать тех, кто обладает высоким статусом.

Тогда его взор упал на колонну гражданских чиновников, а именно на стоящего во главе пожилого мужа.

Правда, стоило ему увидеть данные радара уязвимостей, как Ци Цинцы все же слегка изумился.

[Ого! Старик с белой бородой слева — нынешний премьер-министр Ли Дэчжун? С виду такой честный и благородный муж, а за спиной ведет столь разгульную жизнь! В преклонных годах увлекся воспитанием чужих чувств, да так, что положил глаз на жениха собственной внучки?]

[Вот это да! Дед с внучкой решили делить одного мужчину на двоих? Главное правило: добро не должно уходить на сторону, да? Мир интеллигентов мне не понять, но потрясен я до глубины души!]

Ли Дэчжун, только-только готовившийся выйти из строя с докладом, так резко дернул себя за бороду, что с корнем вырвал целый клочок козлиной растительности!

Острая боль мгновенно вернула его в реальность. Он испуганно вытаращил глаза и огляделся по сторонам, но лица стоявших рядом коллег оставались невозмутимыми, ничего необычного.

Подавив подступившую панику, Ли Дэчжун придвинулся к стоявшему рядом Наставнику Чжао и шепотом спросил:

— Скажи... не доносился ли до тебя только что какой-то странный голос?

Наставник Чжао выглядел совершенно растерянным:

— Кроме кашля Вашего Величества, ничего больше не слышно.

Лицо Ли Дэчжуна побледнело: неужели он и впрямь одряхлел от старости и у него начались слуховые галлюцинации?

Янь Бэйсюань снова расслышал голос Ци Цинюэ и, следуя за ходом его мыслей, не удержался и бросил взгляд в сторону Ли Дэчжуна.

Хотя он не до конца понял значения слов воспитание чувств и делить на двоих, общий смысл высказывания Ци Цинюэ уловил превосходно.

Уголки губ Янь Бэйсюаня невольно изогнулись в едва заметной усмешке.

Надо же, премьер-министр Ли, вечно распинающийся о высокой морали и долге, втайне обладает столь... скажем так, не обремененными условностями наклонностями.

А внутренний монолог Ци Цинцы тем временем было уже не остановить: он перевел взгляд на

стоявшего рядом военного соратника.

Отлично, по одному с каждой стороны! Ци Цинцы отличался поразительным стремлением к справедливости!

[А этот чернолицый громила справа — грозный генерал Чжан Ху? Стоит прямо как телеграфный столб, будто на строевой подготовке выстроился!]

[Умора! Только что перед выходом на совет получил от жены нагоняй с обязательным стоянием на коленях на стиральной доске, колени до сих пор синие, но всё равно хорохорится и притворяется крутым, а на деле — подкаблучник и трус.]

Среди шеренги военачальников массивное телосложение Чжао Ху судорожно задрожало.

Он инстинктивно хотел сдвинуть ноги, чтобы скрыть конфуз, но тут же сообразил, что это лишь привлечет лишнее внимание, и его смуглое лицо в мгновение ока приобрело цвет переспелой печени.

Почувствовав на себе странный, полуулыбчивый взгляд Янь Бэйсюаня, он испуганно заерзал глазами, пытаясь отыскать среди сослуживцев того подлеца, который посмел за спиной так его обсуждать!

Он, Чжан Ху, вовсе не подкаблучник! Он... он просто без памяти любит свою супругу!

Ци Цинцы яростно метал стрелы у себя в мыслях, даже не подозревая, что каждое его слово в прямом эфире транслируется прямо в уши его непосредственному начальнику — императору.

Янь Бэйсюань находил происходящее невероятно забавным.

Какой же занятный этот Ци Цинюэ!

Юный полководец Да-Янь, перед которым трепетали враги, оказывается, способен показывать и такую сторону.

Интересно, откуда этот генерал раздобыл столь пикантные сведения о Ли Дэчжуне и Чжан Ху?

Судя по всему, Армия семьи Ци славится не только отвагой в бою, но и превосходной разведкой — по крайней мере, тайные агенты, которых он лично обучал годами, до такого додуматься не смогли.

Янь Бэйсюань невольно задумался о профессионализме собственных людей.

Он медленно поднялся с драконьего трона и шаг за шагом стал спускаться по девяти ступеням императорского помоста.

Каждый шаг его сапог, расшитых темным золотым узором дракона, отдавался эхом в гробовой тишине зала, отзываясь тяжелым стуком в сердцах всех присутствующих.

Чиновники опустили головы еще ниже, желая буквально влиться лицами в трещины плитки на полу — каждый гадал, кто же станет следующей жертвой гневного гнева.

Ци Цинцы, только что завершивший утреннюю порцию насмешек, чувствовал себя слегка неудовлетворенным. Со стороны это казалось издевкой, но на деле больше смахивало на праздное любопытство: подумать только, люди, с виду такие важные и серьезные, за спиной ведут себя подобным образом — контракт просто поразительный.

Пока пара сапог не остановилась прямо перед Ци Цинюэ, резко оборвав улетевшие бог весть куда мысли.

Густой и властный аромат драконьей амбры плотно окутал его со всех сторон.

Ци Цинцы был вынужден с оцепенением поднять голову, прямо сталкиваясь с парой глубоких и опасных глаз.

Янь Бэйсюань смотрел на него сверху вниз, и его тонкие губы чуть шевелились. Голос звучал негромко, но в звенящей тишине зала был слышен отчетливо:

— Генерал Ци.

Внутри у Ци Цинцы все оборвалось, душа едва не покинула тело.

[Чего тебе надо?! Не подходи! Я же просто безобидный немой! Я тебе ни слова не говорил!]

Янь Бэйсюань, наблюдая за растерянным и испуганным выражением лица Ци Цинюэ, почувствовал, как улыбка тронула его губы.

Ты, может быть, вслух ничего и не произнес, но в мыслях наговорил с три короба.

Он внезапно подался вперед, наклонившись к самому уху Ци Цинцы, и прошептал так тихо, что слышать могли лишь они двое:

— Когда я сплю, я никогда не переворачиваюсь.

Теплое дыхание коснулось ушной раковины, вызывая легкую мурашечную щекотку.

Мозг Ци Цинцы мгновенно отключился!

Чт... что он имеет в виду?

Он... он что, всё услышал?!

И смог распознать, чей это голос?!

Не успел Ци Цинцы прийти в себя от ужаса, как чья-то крупная ладонь легла прямо ему на затылок.

Обжигающе горячие подушечки пальцев оглаживали его самую уязвимую сонную артерию, источая властную ауру человека, в чьих руках сосредоточена власть над жизнью и смертью.

В голосе Янь Бэйсюаня послышалась игривая хрипотца:

— К тому же, даже если ты случайно потревожишь мое драконье ложе, я не рассержусь. А если генерал Ци мне не верит...

— Можешь проверить сам.

<http://bllate.org/book/22366/2345372>